

КОНСТИТУЦИЯ В СВЕТЕ КОННОТАЦИИ

© 2014 г. Николай Владимирович Андрианов¹

Краткая аннотация: проблема толкования текста Конституции РФ рассматривается с использованием методологии постструктурализма, в частности концепции коннотативных и денотативных смыслов; раскрывается необходимость интерпретации положений Конституции как контекстуально зависимых; дано обоснование идеи многозначности политико-правовых смыслов, содержащихся в тексте Конституции РФ; предложен методологический подход к решению проблемы безграничности культурно-исторического контекста Конституции РФ.

Annotation: the problem of construction of Constitution is considered via the methodology of poststructuralism, in particular – the concept of connotative and denotative meanings; the necessity of construction of Constitution provisions as contextually interrelated, is discovered; the idea of polysemy of political and legal meanings, contained in the text of Constitution, is justified; methodological approach to the issue of boundlessness of cultural and historical context of Constitution is proposed.

Ключевые слова: коннотация, конституция, проблема толкования, методология poststructuralism, культурно-исторический контекст.

Key words: connotation, Constitution, the problem of construction, methodology of poststructuralism, cultural and historical context.

Вера в методологическую универсальность “теории отражения” длительное время сопровождала исследования во всех без исключения науках об обществе, включая юриспруденцию. Эта вера не может считаться преодоленной и по сей день. Автору всегда трудно избежать соблазна надеяться, что хорошо составленные формулировки и выверенные понятия позволят точно “отразить” и, возможно, усовершенствовать правовую реальность. На самом деле речь можно вести лишь о более или менее удачном использовании других текстов, причем не обязательно правовых, научных или даже письменных, так как вся социальная жизнь – это текст. Ну и в какой-то мере можно рассчитывать на более или менее верное прогнозирование того влияния, которое новые тексты (нормативные акты, правовые концепции, судебные решения) окажут на правопорядок. Но проблема в том, что любой вновь созданный текст будет жить собственной жизнью. Он не станет обращать внимания на интенции своего создателя, как, впрочем, не обращают внимания на замыслы своих авторов и те, другие тексты, с которыми новый текст неизбежно вступает во взаимодействие. Разумеется, жизнь текстов возможна только при участии-посредничестве людей. Но это участие-посредничество также всегда облечено в текстуальную форму. В результате любой текст рано или поздно ожидают различные, в том числе взаимоисключающие, интерпретации, пре-

тендующие на единственно верное выявление его смыслового значения. При этом создатели интерпретаций первоначального текста будут настаивать на том, что они либо прояснили подлинный авторский замысел, либо раскрыли его в такой полноте, о какой сам автор даже и не подозревал. Любопытно, что классик немецкой философии И. Кант выступает в роли предтечи постструктурализма (а значит, постмодернизма), рассуждая следующим образом о понятии “идея” у Платона: “Я не собираюсь заниматься здесь исследованием литературы, чтобы установить точный смысл термина *идея* у этого великого философа. Замечу только, что нередко и в обыденной речи, и в сочетаниях путем сравнения мыслей, высказываемых автором о своем предмете, мы понимаем его лучше, чем он сам себя, если он недостаточно точно определил свое понятие и из-за этого иногда говорил или даже думал не согласно со своими собственными намерениями”². Но если уж не так просто смириться с предположением Канта о том, что он понимает Платона лучше, чем тот сам себя, то что тогда говорить о тех сотнях тысяч “правоприменителей” (прежде всего судей, прокуроров и следователей), которые, ежедневно прибегая к толкованию федеральных законов, убеждены в том, что именно их интерпретации соответствуют истинному замыслу ее создателей. Но ведь к этому следует приплюсовать еще и интерпретации многих миллионов правопользователей, т.е. всех граждан.

¹ Председатель Московской коллегии адвокатов “Ресурс”, кандидат юридических наук (E-mail: resurs53@mail.ru).

² Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Мн., 1998. С. 406.

Этим обстоятельством объясняется постоянное стремление законодателя либо вернуть текст к его самоотождественности через толкование и комментарии, либо заменить его таким текстом (вновь созданным или заимствованным), который обладал бы меньшим интерпретационным диапазоном. Но при этом необходимо опираться на какой-то фундамент, твердое основание, обращение к которому позволяло бы уменьшать интерпретационный диапазон нормативных текстов. Казалось бы, таким фундаментом должна служить Конституция РФ, т.е. Основной Закон страны. Но в какой мере это возможно и возможно ли вообще?

Например, А.А. Белкин, рассуждая о “текстуально-правовых конфликтах” как “разновидности юридических конфликтов”³, поддерживая точку зрения В.А. Туманова, отмечает, что наиболее интенсивно применяемым способом их преодоления является “толкование конституционных норм при полном отсутствии сколько-нибудь унифицированных представлений о критериях толкования”⁴. Но возможны ли “унифицированные представления” о критериях толкования в принципе? Ведь что-то весьма существенное не позволяет добиться “унифицированного представления” о таких критериях, а тем более – оформить их законодательно. Озабоченность по поводу толкования терминов Конституции РФ высказывает В.В. Ершов, сетуя на то, что, например, в понятие “правовая система” (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ) ведущие российские специалисты (вслед за Ж. Карбонье) включают “практически все явления, в том числе и не имеющие какого-либо отношения собственно к праву, например правопорядок, образовательные учреждения, правоотношения и т.п.”⁵, и настаивает на том, что “в системе права должны быть только однородные правовые явления”⁶. Здесь очевидно желание приблизиться к идеалу толкования юридического текста, сформулированного Г. Радбрухом: “Так что юридическое толкование – не переосмысление задуманного, а окончательное осмысление продуманного”⁷.

³ См.: Белкин А.А. Текстуально-правовые конфликты в Конституции Российской Федерации 1993 года и проблемы их преодоления // Белкин А.А. Избр. работы 90-х годов по конституционному праву. СПб., 2003. С. 186.

⁴ Там же. С. 191, 192.

⁵ Ершов В.В. Система форм права в Российской Федерации // Конституция Российской Федерации: доктрина и практика: Материалы научно-практической конференции, посвященной 15-летию Конституции Российской Федерации и 60-летию Всеобщей декларации прав человека. Санкт-Петербург, 13–14 ноября 2008 г. М., 2009. С. 118, 119.

⁶ Там же. С. 119.

⁷ Радбрух Г. Философия права / Пер. с нем. М., 2004. С. 129.

Но почему же окончательное? Что дает основание хотя бы теоретически рассчитывать на такую “окончателность осмысления”?

Как показал основатель (и классик) постструктурализма Р. Барт, иллюзию такого основания создает вера в возможность извлечь, высвободить из текста якобы изначально существующий в нем денотативный смысл – “простое, буквальное, безыскусное, истинное сообщение”⁸. И от этой веры мы не в силах отказаться. Более того, настаивает Р. Барт, “обращаясь к классическому тексту, мы непременно должны сохранять денотацию, это древнее, бдительное, лукавое и лицедействующее божество, вменившее себе в обязанность *изображать* коллективную безгрешность языка”⁹. Иначе говоря, классическим может считаться текст, в отношении которого, включая его толкование, в обществе сложился устойчивый, долговременный консенсус. Но возможны ли “классические тексты” в юриспруденции? И может ли выдержавший двадцатилетнее испытание текст Конституции России претендовать на этот статус? Методология постструктурализма, и в частности разработанная Р. Бартом концепция коннотативного уровня текста, позволяет составить представление об исключительной сложности этой проблемы и предостерегает от чрезмерного оптимизма.

Как верно подметил российский филолог Г.К. Косиков, одна из заслуг Р. Барта состоит в указании на множественность интерпретирующих методологий. Эта множественность не может быть устранена в принципе, причем ни одной из интерпретирующих методологий не может быть отдано предпочтение¹⁰. Отсюда и особый взгляд Р. Барта на саму интерпретацию: “Интерпретировать текст вовсе не значит наделить его каким-то конкретным смыслом (относительно правомерным или относительно произвольным), но, напротив, понять его как воплощенную множественность”¹¹. В любом тексте, независимо от используемого языка, денотативный (буквальный) смысл всегда существует одновременно с коннотативным смыслом, т.е. с возможностью множественного прочтения этого текста, с неизбежностью подразумевания чего-то того, что не высказано непосредственно здесь и сейчас, но может оказаться весьма существенным в иной ситуации. Ведь новая ситуация скорее всего вызовет и иную интерпретацию того же самого текста

⁸ Барт Р. S/Z / Пер. с фр. М., 2001. С. 36.

⁹ Там же. С. 36.

¹⁰ См.: Косиков Г.К. От структурализма к постструктурализму (Проблемы методологии). М., 1998. С. 57.

¹¹ Барт Р. Указ. соч. С. 33.

даже одним и тем же субъектом. Использование только денотативного (буквального, претендующего на исчерпывающую истинность) уровня интерпретации может создать лишь иллюзию некоего “непорочного изображения”¹².

К сожалению, многие юристы разделяет эту методологическую иллюзию при толковании правовых текстов. Например, социолог права Ж. Карбонье, верно характеризуя юридическое толкование как одну из форм герменевтики, в то же время относит его к таким ситуациям, когда “те, кто дает разъяснения, имеют дело с сообщением, автор которого отсутствует (если бы он присутствовал, то разъяснил бы все сам)”¹³. Но в том-то и дело, что круг всех авторов таких текстов, как законы, определить крайне сложно (он всегда намного шире, чем формальный список авторов законопроекта). А авторов текста конституций – просто невозможно. И тем более невозможно учесть все многообразие текстов, под воздействием которых создавался текст Конституции РФ.

Предлагаемый Р. Бартом образ множественности любого текста, несмотря на кажущуюся чрезмерную метафоричность, предлагает один из возможных методологических подходов для “раскодирования” любых юридических текстов, а тем более политико-правовых текстов конституций. В множественный текст, пишет Р. Барт, “можно вступить через множество входов, ни один из которых нельзя наверняка признать главным”, такой текст всегда “пронизан сетью переплетающихся между собой внутренних ходов, не имеющих друг над другом власти”. У такого текста “нет начала, он обратим”, “вереница мобилизуемых им кодов теряется где-то в *бесконечной дали*. Они “не разрешимы” (их смысл не подчинен принципу разрешимости, так как любое решение будет случайным, как при броске игральных костей); “он являет собой галактику означающих, а не структуру означаемых”; “этим сугубо множественным текстом способны завладеть различные смысловые системы, однако их круг не замкнут, ибо мера таких систем – бесконечность самого языка”¹⁴.

Может показаться, что рассуждения о “множестве входов” и “галактиках означающих” не совсем подходят для нормативными текстов, отличительной чертой которых принято считать содержательную однозначность и структурную целостность. Но тут следует согласиться с выводом Т.Н. Радько

о том, что “язык законодательства и судопроизводства не может быть каким-то особым профессиональным жаргоном, он подчиняется всем грамматическим нормам общелитературного языка”¹⁵.

Что ж, обратимся непосредственно к тексту Конституции РФ. Сразу же становится ясно, насколько непросто “войти” в него через, казалось бы, безусловно “главный вход” – Преамбулу. В ней объявляется о том, что многонациональный народ Российской Федерации принимает Конституцию, и содержится ряд торжественно-общих положений, констатирующих, что народ “утверждает гражданский мир и согласие”, “сохраняет исторически сложившееся государственное единство”, “ чтит память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость”, “возрождает суверенную государственность России”, “утверждает незыблемость ее демократической основы”. У внимательного, “вездливого” читателя, но незнакомого с политическим и культурно-историческим контекстом принятия Основного Закона, сразу же возникнут следующие вопросы: почему “гражданский мир и согласие” следует утверждать, разве они были нарушены? Почему надо “возрождать суверенную государственность”, разве Россия до этого какое-то время не была суверенным государством? А если не была, то что тогда означает “сохранение исторически сложившегося государственного единства” и тогда не будет ли такое “единство” препятствовать “возрождению суверенной государственности”? Означают ли слова о “незыблемости демократической основы” характеристику предшествующего государственного строительства или предполагаемого? Но даже исчерпывающих ответов на эти вопросы было бы недостаточно, чтобы действительно “войти” в текст Основного Закона. Дело в том, что, как указано перед текстом Преамбулы, Конституция “принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.”, т.е. прошло чуть более месяца после того, как был расстрелян парламент России – Верховный Совет, причем расстрел транслировался по телевидению при технической поддержке иностранного (американского) телевидения. Во “всенародном голосовании”, даже по официальным данным, приняло участие немногим более половины избирателей, а за принятие новой конституции высказалось чуть более половины из числа голосовавших. Так что ответы разных людей на вопросы по поводу Преамбулы будут взаимоисключающими и (в ряде случаев) ставящими под сомнение достижение “гражданского мира и

¹² Барт Р. Избр. работы. Семиотика. Поэтика / Пер. с фр.; сост. Г.К. Косиков. М., 1994. С. 309.

¹³ См.: Карбонье Ж. Юридическая социология / Пер. с фр. М., 1986. С. 316.

¹⁴ Барт Р. S/Z. С. 33.

¹⁵ Радько Т.Н. Теория государства и права. Учеб. для вузов. М., 2004. С. 311.

согласия”. Таким образом, Преамбула Конституции РФ представляет собой не “вход” в ее текст, а свидетельство его зашифровки посредством различных культурных кодов, которые никогда не будут до конца раскрыты в силу неисчерпаемости культурного контекста, причем не только российского. Но тогда приходится признать, что текст Конституции не имеет начала. Это будет верно не только в содержательном, но и в формальном плане. Преамбулу без какой-либо редакционной правки и без ущерба для ее основного содержания вполне можно было бы разместить не в начале, а в конце текста Конституции.

Пожалуй, любая статья, любая норма Конституции – это своего рода вход в ее текст, но вход, уводящий в лабиринт других текстов, позволяющих пролить свет на происхождение данной нормы, определить и в какой-то мере спрогнозировать степень ее интернализации (интериоризации) и легитимации в правосознании населения. Входы могут быть и фиктивными, призванными скрыть доступ к определенным смысловым пластам. Так, согласно ст. 13 Конституции никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Но текст Конституции – это набор постулатов, выраженных через метафоры, которые относятся к вполне определенным идеологическим направлениям. Вот лишь некоторые из них: “правовое государство”, “разделение властей”, “человек, его права и свободы являются высшей ценностью”, “признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности”.

Идеологическую составляющую имеет большинство статей Конституции. Видимо, с этим во многом связано обстоятельство, на которое указывает Т.Я. Хабриева: “Ни одна научная конференция или семинар, не говоря уже о политических форумах, не обошлись без предложений о внесении конституционных поправок или пересмотре Конституции”¹⁶.

Внутри текста Конституции могут быть обнаружены ходы, ведущие к трудносовместимым или вообще несовместимым целям. Так, в ч. 1 ст. 9 Конституции земля и другие природные ресурсы объявляются “основой жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории”. А в ч. 2 той же статьи предусматривается возможность частной собственности на землю и другие природные ресурсы. Получается, что сама

“основа жизни и деятельности” населения может целиком (или большей частью) оказаться в руках частных лиц, причем круг их может оказаться очень узок¹⁷. Примечательно, что с точки зрения формальной логики положения ч. 1 и 2 ст. 9 не противоречат друг другу.

Вполне применима к тексту Конституции (как и к иным нормативным текстам) метафора Р. Барта о “галактике означающих”, не вполне или вообще не совместимых со “структурой означаемых”. Любое абстрактное понятие, используемое для текстуального оформления наших представлений о социальной жизни, имеет многозначное понятийное наполнение. Но если представления о том, что в правовой реальности следует понимать под означаемым, различны, то и любая норма, правовой принцип и весь политико-правовой текст оказываются под вопросом. Возьмем лишь одно из ключевых понятий Конституции – “правовое государство”. Составители текста Конституции РФ могут, конечно, утверждать о существовании более-менее “единообразного” представления об этом понятии. Но, например, еще в 1978 г., когда в России (в СССР) правоведы придерживались концепции “общенародного государства”¹⁸, выдающийся французский мыслитель М. Фуко обращал внимание на принципиальные различия в понимании правового государства между английскими, немецкими и французскими правоведами¹⁹. Но и теперь единомыслия по данному вопросу между правоведами, включая российских, не обнаруживается. Таким образом, в тексте Конституции РФ “правовое государство” – не более чем означающее, не имеющее согласованного с ним означаемого.

Итак, множественный характер нормативных текстов таков, что ими, выражаясь словами Р. Барта, могут завладеть “различные смысловые системы”. К “галактике означающих” легко могут быть подключены самые различные фрей-

¹⁶ Хабриева Т.Я. Доктринальное значение российской Конституции // Конституция Российской Федерации: доктрина и практика. С. 66.

¹⁷ Разумеется, можно привести немало доводов и указать на юридические возможности пресечения злонамеренного использования “основы жизни и деятельности народов”. Но противоположных доводов можно привести не меньше.

¹⁸ Каких-либо свидетельств того, что юристы, которым приписывается авторство Конституции РФ, возражали в 1978 г. против концепции общенародного государства, не имеется.

¹⁹ Как отмечает М. Фуко, наличие во Франции специальных административных судов, связанных с исполнительной властью, высшей инстанцией которых является Государственный совет, “в глазах английской теории исключает саму возможность существования правового государства” (см.: Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / Пер. с фр. СПб., 2010. С. 218, 219).

мы²⁰, позволяющие толковать одни и те же положения с точностью до наоборот. Широко известен пример изменения Конституционным Судом РФ своей правовой позиции, сформулированной в постановлении от 18 января 1996 г., на прямо противоположную, изложенную в постановлении от 21 декабря 2005 г., по вопросу о конституционности замены прямых выборов губернаторов иным порядком. Высказываясь по этому поводу, Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин настаивает на том, что Конституционный Суд “осуществляет толкование положений Конституции с учетом конкретно-исторической ситуации и тем самым помогает ее приспособлению к изменяющейся действительности”²¹, и делает крайне важное дополнение: “...фактически была выработана концепция динамичной корректировки правовых позиций Суда”²². Иначе говоря, текст Конституции столь многозначен, что даже “официальное” прочтение его Конституционным Судом может меняться самым радикальным образом.

В свете приведенного примера видно, что не только методология постструктурализма, но и практика конституционализма опровергают утверждения наподобие того, что “текст Конституции РФ можно изменить, но нельзя изменить его смысл”²³. Особенно удивительно, что автор этого тезиса В.И. Крусс настаивает на своей приверженности именно методологии постструктурализма, заявляя о стремлении преодолеть “архаичность отечественной методологии современного права через системную отсылку к концептам феноменологии, герменевтики и постструктурализма”²⁴. Однако вопреки его допущениям изначальная множественность текста одновременно означает также множественность или даже бесконечность его смыслов, что убедительно показано Р. Бартом²⁵.

Как справедливо отмечает Р. Барт, для западного мышления и западного дискурса (научного, критического или философского) всегда была характерна иерархия “денотация – коннотация”, причем именно с денотацией увязывалось “представление об истине, объективности и законе”, а также стремление располагать “все смыслы текста вокруг некоего ядра денотации”²⁶. При толковании правовых текстов тем самым создавалась иллюзия преодоления влияния контекста. Но это – не более чем иллюзия именно потому, что не существует способов устранить коннотацию, которая, по определению Р. Барта, действует как “связь, соотнесенность, анафора, метка, способная отсылать к иным – предшествующим, последующим или вовсе ей внеположным контекстам, к другим местам того же самого (или другого) текста”²⁷. Коннотация отодвигает на задний план авторов текстов (включая авторов конституций) и выступает как “способ ассоциирования, осуществляемый текстом-субъектом в границах своей собственной системы”²⁸. При этом следует иметь в виду, что “собственная система” текста в понимании Р. Барта – это составляющие его предложения плюс все предшествующий и последующий контексты. Иначе говоря, текст сам выполняет роль субъекта и через коннотацию обеспечивает возникновение ассоциаций в пространстве собственного контекста. Но могут ли быть определены границы такого контекста? В широком смысле контекстом Конституции РФ является вся культурно-социальная ситуация не только России (Российской Империи, СССР) со времени ее возникновения как государства, но в немалой степени и западного мира со времен античности, и в какой-то степени – цивилизаций Востока.

Конечно, может показаться, что такие рамки чрезмерно широки. Но любая попытка сузить их и провести более-менее отчетливые границы контекста крайне уязвима для критики. Поэтому следует признать верным, но контекстуально ограниченным утверждение С.М. Шахрая о том, что Конституция РФ “неразрывно связана со всем историческим наследием отечественного конституционализма”²⁹. Ведь “отечественный конституционализм” – это не изолированный феномен. Его невозможно понять на основе только отечественной правовой традиции. В отрыве от

²⁰ И. Гофман определяет фреймы как первичные схемы интерпретации, благодаря которым человек в западном обществе распознает какое-либо конкретное событие (см.: *Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта / Пер. с англ. М., 2003. С. 81*).

²¹ *Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. М., 2010. С. 146, 147.*

²² Там же. С. 147.

²³ *Крусс В.И. Реальность российской Конституции // Крусс В.И. Конституция Российской Федерации: доктрина и практика. С. 246.*

²⁴ Там же. С. 236.

²⁵ В работе “Критика и истина” Р. Барт, говоря о “множественности смыслов”, “переливчатости смыслов”, подчеркивает, что хотя “задача филологии – в установлении буквального смысла высказывания, однако ей совершенно неподвластны его вторичные смыслы” (см.: *Барт Р. Критика и истина // Барт Р. Избр. работы. 1994. С. 350, 352*).

²⁶ *Барт Р. S/Z. С. 34, 35.*

²⁷ Там же. С. 35.

²⁸ Там же.

²⁹ См.: *Шахрай С.М. Конституция 1993 года как национальный проект строительства новой России: цели и результаты, проблемы и перспективы // Конституция Российской Федерации: доктрина и практика. С. 48.*

правовых идей Платона и Аристотеля, от практики государственного и правового строительства Древней Греции и Рима (и множества других факторов) невозможно представить современное правосознание и особенности правопонимания ни Запада, ни России.

Итак, коннотация указывает на проблему, характерную для любых юридических текстов, но особенно чувствительную для таких политико-правовых текстов, как конституции, – проблему безграничности контекста. Эта проблема не имеет не только простого, но и сложного решения. Это означает, что проблема безграничности контекста (и множественности смыслов) не может быть решена не только в плане ее устранимости, но даже и как существенное снижение ее влияния. В этом вопросе довольно ограниченными представляются и возможности даже самой изощренной юридической техники. Тем не менее, постструктуралистский подход дает возможность провести своего рода деконструкцию этой проблемы путем интерпретации самого коннотационного уровня текста с различных позиций. Ведь всегда можно предпочесть ту позицию, которая представляется более удобной, в наибольшей мере обеспечивающей семантико-прагматическую интерпретацию. (В скобках заметим, что постструктурализм – это неотъемлемая часть семиотического подхода к наукам об обществе.)

У Р. Барта можно насчитать, как минимум, девять позиций³⁰, позволяющих увидеть, как коннотация, словно лучами с различными световыми характеристиками, высвечивает разные стороны текста Конституции. Рассмотрены эти позиции будут в несколько иной, чем у Р. Барта, очередности.

Первая позиция. Коннотация, порождает двойные (и более) смыслы и затрудняет коммуникацию³¹. Обратимся к следующим положениям ст. 18 Конституции РФ: “права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием”. Прежде всего вызывает вопросы метафорическое наделение прав и свобод способностью “действовать непосредственно”. Ведь если бы это было на самом деле возможно, то и “обеспечивать правосудием” права и свободы не потребовалось бы. Кстати, достаточно длительное время при рассмотрении судебных споров ссылка

одной из сторон на это положение Конституции РФ нередко вызывала ироническую реакцию у судей. Ведь до вынесения ими решения по существу спора права и свободы не действуют не то что “непосредственно”, но и опосредованно. А после вынесения судебного решения права и свободы начинают “действовать” именно в том направлении и именно таким образом, как это определил суд. Недаром английский правовед Г.Л.А. Харт обратил внимание на принципиальное различие между высказыванием “Смит имеет право на ...” в ситуации, когда оно принадлежит неофициальному лицу, и в ситуации, когда эту фразу произносит судья³². Причем вопреки утверждению ст. 18 Конституции РФ незаконное решение суда не приведет к “непосредственному действию” нарушенного права. Но ошибочное решение суда не будет означать и отсутствие права.

Еще большую “многосмысленность” создает положение этой же статьи о том, что права и свободы человека и гражданина “определяют смысл, содержание и применение законов”. Как уже понятно, сами по себе, непосредственно права и свободы ничего определить не могут. А это означает возможность столкновения любого множества точек зрения по поводу того, какие именно права и свободы должны определять тот или иной закон (законопроект), как они должны влиять на его содержание и последующее применение. Правовая коммуникация тем самым затруднена уже на стадии подготовки законопроектов. Та определенность (тоже нередко изменчивая), которую со временем позволяет вносить судебная практика в приоритетность того или иного закрепленного в Конституции РФ права применительно к конкретному закону, не устраняет многозначность данного положения Конституции. Впрочем, коннотационной многозначностью обладает практически любое иное ее положение.

Вторая позиция. Коннотация обуславливает порождение смыслов, не фиксируемых в претендующих на понятийную однозначность текстах (словарях, энциклопедиях). Как отмечает Р. Барт, «если подойти к коннотации со стороны топики (здесь не совсем понятно, подразумевает ли он под словом “топика” искусство находить аргументы³³ или тематику текста. – *Н.А.*), то кон-

³⁰ См.: *Барт Р. S/Z. С. 35, 36.*

³¹ См.: там же. С. 35.

³² См.: *Харт Г.Л.А. Определение и теория в юриспруденции // Правоведение. 2008. № 5. С. 15.*

³³ Как отмечает Х.-Г. Гадамер, топика как искусство находить аргументы “служит для развития чувства убежденности, которое функционирует инстинктивно и мгновенно (*ex tempore*) и именно поэтому его нельзя заменить наукой” (см.: *Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Пер. с нем. М., 1988. С. 63.*)

нотационные смыслы – это смыслы, не фиксируемые ни в словаре, ни в грамматике языка, на котором написан данный текст»³⁴.

Действительно, оказывается, что недостаточность словарей юридических терминов и толковых словарей соответствующего языка, чтобы обеспечить исчерпывающую репрезентацию всех коннотативных смыслов тех терминов, которые используются в тексте Конституции. Например, в ст. 2 Конституции РФ устанавливается, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью». По мнению Н.В. Витрука, это означает, что «все иные конституционные ценности имеют зависимый характер от высшей конституционной ценности»³⁵. Но, во-первых, что же такое в данном контексте «ценность»? Любопытным в этой связи представляется суждение В.В. Ильина, отмечающего, что «ценностное сознание не фундируется ни рациональностью – ввиду ее ситуативности, нейтральности разума к широко понятому этизму, ни абстрактным долженствованием – ввиду его бессодержательности, неопределенности»³⁶. Но тогда на основании чего одни ценности обозначены в тексте Конституции как приоритетные по отношению к другим? Во-вторых, даже размещение в словарях, общепризнанных научных трудах и судебных постановлениях понятия «человек – высшая ценность» не устранил иных, многообразных позиций, оспаривающих это положение Конституции. Окажется, что для одних общество в целом и его интересы – более высокая ценность, чем один человек и его персонифицированные права и свободы. И они обратят внимание на несогласованность этого положения с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, устанавливающей возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Другие объявят о своей приверженности совсем иным системам ценностей, где приоритетное положение занимают, например, патриотизм, готовность к самопожертвованию, верность воинской присяге и непримиримость к врагам Отечества. При этом они укажут на иностранное (западное) происхождение рассматриваемого положения Конституции и сошлутся на российского философа А. Панарина, писав-

шего, что, «судя по опыту вестернизаций, Запад не отказывается от своих ценностей, но призывает к такому отказу других: их приглашают принять западные ценности как «естественные» или «общечеловеческие»»³⁷. Ну а третьи назовут провозглашение человека «высшей ценностью» заблуждением и даже глупостью. При этом они приведут слова знаменитого представителя социальной психологии Э. Фромма о том, что «сознание человека представляет собой во многом цепь заблуждений и ложных посылов», а значит, «само по себе не может представлять ценности»³⁸.

Третья позиция. Одновременная принадлежность коннотации к линейному и агломерирующему пространствам текста. Р. Барт пишет: «С аналитической точки зрения коннотация принадлежит двум пространствам – линейному пространству упорядоченных последовательностей... и пространству агломерирующему, когда определенные фрагменты коррелируют с теми или иными смыслами, внеположными материальному тексту, образуя в совокупности своего рода туманности означаемых»³⁹.

Одним из примеров линейного пространства коннотационных смыслов внутри текста Конституции РФ служит следующее положение. К совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации согласно п. «б» ст. 72 относится «защита прав национальных меньшинств», а согласно п. «м» – защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей. Линейное пространство текста Конституции обеспечивает некоторое прояснение этих положений. Так, и из Преамбулы, и из ст. 3 следует, что народ России является многонациональным, а значит, включающим в себя и национальные меньшинства. Однако по поводу национального большинства (если существуют меньшинства, то должно быть и большинство), защиты его прав, включая «традиционный образ жизни», в линейном пространстве текста Конституции прямых указаний не имеется. Предположения (и соответствующие обоснования), например, о том, что такие нормы излишни или, напротив, желательны, можно обнаружить только в агломерирующем пространстве Конституции РФ в виде различных текстов, включая научные труды, ознакомление

³⁴ Барт Р. S/Z. С. 36.

³⁵ Витрук Н.В. Конституция Российской Федерации как ценность и конституционные ценности // Конституция Российской Федерации: доктрина и практика. С. 272.

³⁶ Ильин В.В. Аксиология. М., 2005. С. 46.

³⁷ Панарин А.С. Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 2005. С. 26.

³⁸ Фромм Э. Дзэн-буддизм и психоанализ // Фромм Э. Кризис психоанализа. Дзэн-буддизм и психоанализ / Пер. с англ. М., 2004. С. 223.

³⁹ Барт Р. S/Z. С. 36.

с которыми позволяет увидеть исключительную сложность и деликатность проблемы.

К линейному пространству коннотационных смыслов Конституции РФ, взятой целиком, могут быть отнесены предыдущие конституции (СССР и РСФСР) и принимаемые с учетом ее положений конституционные законы, законодательные акты, судебные акты. Разумеется, линейность этого пространства не означает последовательность и непротиворечивость. Коннотация – это, как уже отмечалось, наличие двух и более смыслов.

В качестве примера внеположных тексту Конституции коннотационных смыслов можно привести нашедший широкое применение в судебной практике Конституционного Суда РФ концепт “баланса законных интересов”. Так, Н.А. Шевелева отмечает, что более чем в 50 актах Конституционного Суда РФ в мотивировочной части делается ссылка на баланс частных и публичных интересов, причем с его наличием или отсутствием может увязываться вывод о конституционности или неконституционности нормы закона⁴⁰.

Четвертая позиция. Соотносимость коннотационных смыслов с кодом. Р. Барт настаивает на том, что “с семиологической точки зрения, коннотативный смысл – это первоэлемент некоего кода (не поддающегося реконструкции), звучание голоса, вплетенного в текст”⁴¹, причем “каждый код воплощает одну из сил, способных завладеть текстом”⁴², «их происхождение “затеряно” в непроницаемой перспективе уже *написанного* и потому, переплетаясь между собой, они лишают происхождения само высказывание»⁴³.

Признавая распространенность мнения о том, что постсоциалистические конституции, включая российскую, “внесли мало принципиальных новелл в конституционное развитие стран мира”⁴⁴, Т.Я. Хабриева полагает, что они “взяли все ценное из предшествующего опыта конституционного развития”⁴⁵. Действительно, текст Конституции РФ аккумулировал необъятный опыт конституционного строительства многих стран. И фундаментальные положения ее текста на первый взгляд закодированы как некий общемировой

опыт конституционного строительства. Однако, как отмечает А.С. Панарин, “импортированный из США либерализм носит следы страны происхождения”⁴⁶. Ну, а с точки зрения ситуационной политической конъюнктуры в тексте Конституции закодирована возобладавшая к концу 1993 г. в настроениях политической и экономической “элиты” России интенция предельно укрепить положение тогдашнего главы государства.

Пятая позиция. Рассеяние коннотационных смыслов по поверхности текста. Как отмечает Р. Барт, “с топологической точки зрения коннотация обеспечивает рассеяние (ограниченное) смыслов, подобно золотой пыли, усыпавшей зримую поверхность текста (смысл – это золото)”⁴⁷. Приведенную позицию можно сопоставить с характерным высказыванием Н.С. Бондаря, который полагает, что свобода «прямо или косвенно пронизывает всю систему конституционного регулирования, “присутствует” в каждом конституционном институте, каждой норме и статье конституции»⁴⁸. Но следует признать, что кроме свободы весь текст Конституции “прямо или косвенно пронизывает” всеобъемлющее структурирование, сплошное нормирование социальной реальности. Причем даже пределы регламентации прав и свобод легко могут быть преодолены путем применения ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. И в этом случае “свобода” действительно может обнаружить свойства “золотой пыли”.

Шестая позиция. Доминирование коннотационных смыслов. По мнению Р. Барта, коннотационные смыслы с динамической точки зрения представляют собой “иго, под которым склоняется текст, это сама возможность подобного гнета (смысл – это сила)”⁴⁹. Множественность смыслов, возникающих благодаря коннотации, – действительно гнет (тяжесть, бремя). Утяжеленность текста Конституции коннотационными смыслами очевидна. Вот, например, С.М. Шахрай оценивает Конституцию РФ и “как образ желаемого будущего”, и как “организирующее начало” перемены, и как “проект строительства новой России”⁵⁰. Эти метафоры, утяжеляющие смысловой вес текста

⁴⁰ См.: Шевелева Н.А. Баланс частных и публичных интересов // Конституция Российской Федерации: доктрина и практика. С. 200.

⁴¹ Барт Р. S/Z. С. 36.

⁴² Там же. С. 45.

⁴³ Там же. С. 46.

⁴⁴ Хабриева Т.Я. Доктринальное значение российской Конституции // Конституция Российской Федерации: доктрина и практика. С. 66.

⁴⁵ Там же. С. 67.

⁴⁶ Панарин А.С. Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века. М., 1998. С. 132.

⁴⁷ Барт Р. S/Z. С. 36.

⁴⁸ Бондарь Н.С. Конституционное правосудие как фактор развития российского конституционализма // Конституция Российской Федерации: доктрина и практика. С. 85.

⁴⁹ Барт Р. S/Z. С. 36.

⁵⁰ См.: Шахрай С.М. Конституция 1993 года как национальный проект строительства новой России: цели и результаты, проблемы и перспективы // Конституция Российской Федерации: доктрина и практика. С. 49, 50.

Конституции, он снабжает оговоркой о том, что она создавалась “не как отражение ситуации, сложившейся на момент ее принятия”⁵¹. Возможно, здесь наличествует желание автора отвернуться от огромного пласта коннотационных смыслов, которые ставят под сомнение саму метафору “образ желаемого будущего”, а заодно таят в себе неисчезающую угрозу того, что изначальная легитимность этого “образа” может быть поставлена под сомнение. Ведь всего за 40 дней до принятия Конституции расстрел Верховного Совета зафиксировал победу совершенного Б.Н. Ельциным государственным переворотом.

Об исключительной “утяжеленности” текста Конституции России коннотационными смыслами, связанными с обстоятельствами ее принятия, свидетельствует тот факт, что на конференции, посвященной ее 15-летию, из 33 выступавших на ней крупных ученых-конституционалистов и юристов-практиков лишь только один – Председатель Конституционного Суда В.Д. Зорькин – упомянул о том, что принятию Конституции непосредственно предшествовала “трагедия расстрела российского парламента в 1993 г.”⁵² В другой работе, обращаясь к тем событиям, В.Д. Зорькин пишет: “Я считал тогда и считаю сейчас, что не только право, но и правда были все же на стороне тех, кто предостерегал против прецедента отмены формальной Конституции и тем более против конструкции “неконституционной Конституции”. Спустя годы негативные последствия этого опасного прецедента стали тем более ощутимыми”⁵³. При определенных условиях “иго”, “гнет”, “бремя” коннотационных смыслов текста Конституции РФ могут оказаться чрезмерными, хотя хочется верить, что этого не произойдет.

Седьмая позиция. Способность коннотации порождать принципиально новые, созвучные культурно-исторической эпохе тексты. По мнению Р. Барта, “с исторической точки зрения коннотация, коль скоро она создает смыслы, по всей видимости, поддающиеся фиксации (даже если они не являются лексическими), оказывается источником (хронологически определенным) Литературы Означаемого”⁵⁴. Разумеется, далеко не каждый текст может претендовать на это. А вот текст Конституции подтверждает эту мысль в полной мере. Как справедливо отмечает В.Г. Графский,

литература по современному российскому конституционализму с трудом обозрима⁵⁵. Причем эта литература не только выявляет новые смыслы текста Конституции, но и оказывает влияние на применение и использование ее положений. Разумеется, эта литература включает в себя и комментарии к тем или иным положениям конституции, и новые концепции, претендующие на то, чтобы “обогащать” теорию конституционализма. Так, по мнению Т.Я. Хабриевой “доктринальное значение Конституции РФ 1993 г. видится прежде всего в рассмотрении ее как источника новых доктрин”⁵⁶. Однако новые доктрины, в том числе определяющие политический процесс, могут возникать не обязательно в том русле, на которое рассчитывали авторы конституции. “Литература означаемого” – это и тексты новых нормативных актов, и тексты с обоснованием их критики, включая критику ключевых положений самой конституции. В этой связи заслуживает серьезного внимания точка зрения М.Н. Марченко, отмечающего, что “вместо прежних идеологических штампов типа “общенародное государство”, “развитой социализм”, “власть народа” и пр. на вооружение были взяты аналогичные, не имеющие сейчас у нас в стране реального содержания постулаты типа “правового государства”, “разделения властей”, “политического плюрализма”, “социального государства” и т.д.”⁵⁷. На наполнение реальным содержанием этих концептов нацелена новая литература “означаемого”, причем не только правоведческая. Но содержание их никогда не предрешено, даже внутри одной и той же парадигмы оно может изменяться. Поэтому, например, отказ от термина “общенародное государство” в пользу термина “правовое государство” невозможно объяснить различиями в их содержательном наполнении. Никаких твердых оснований, не позволявших теоретически оснастить термин “общенародное государство” признаками “правового государства”, не имелось. Не являлся таким твердым основанием и культурно-исторический контекст. Но в нем можно обнаружить коннотационные смыслы, позволяющие объяснить как изменения в содержательном наполнении тех или иных конституционных понятий, так и изъятие их из общественно-политического и научного оборота.

Кстати, “литература означаемого”, указывающая на непрерывное изменение на Западе со-

⁵¹ См.: там же. С. 49.

⁵² См.: Зорькин В.Д. Вступительное слово // Конституция Российской Федерации: доктрина и практика. С. 9.

⁵³ Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. М., 2010. С. 104.

⁵⁴ Барт Р. S/Z. С. 36.

⁵⁵ См.: Графский В.Г. Конституционализм как предмет изучения / Право. 2009. № 3. С. 10.

⁵⁶ Хабриева Т.Я. Указ. соч. С. 67.

⁵⁷ Марченко М.Н. Правовое государство // Философия права. Курс лекций. Учеб. пос. В 2-х т. Т. 1. М., 2011. С. 210.

держательного наполнения термина “правовое государство”, говорит о том, что этот термин за 200 лет не один раз мог быть сменен западными правоведами и политиками на какой-то другой, однако этого не произошло. Видимо, коннотационные смыслы отказа от термина “общенародное государство” в пользу термина “правовое государство” следует искать не в правоведческих и государствоведческих текстах, а в текстах, содержащих идеологическое обоснование вестернизации, включающей не только смену правовых институтов, но и изъятие конституционных терминов, кажущихся не вполне благонадежными.

Восьмая позиция. Взаимная отсылочность денотационных и коннотационных смыслов. Р. Барт приходит к выводу о том, что “со структурной точки зрения существование денотации и коннотации – двух систем, считающихся раздельными, позволяет тексту функционировать по игровым правилам, когда каждая из этих систем отсылает к другой в соответствии с требованиями той или иной *иллюзии*”⁵⁸.

В решениях Конституционного Суда РФ, принятых по результатам проверки на соответствие той или иной нормы федеральных законов Конституции РФ, можно обнаружить, что через коннотационные смыслы, в том числе “внеположные” тексты проверяемой нормы закона, высвечивается ее денотационный смысл. Но денотационным, или буквальным он становится не только и не столько благодаря использованной Конституционным Судом аргументации, сколько в силу его властных полномочий. При этом решающее значение будет иметь то, как Конституционным Судом определены границы контекста. Ведь он может включать в себя нормы других законов, судебную практику, правовые концепции и традиции, мировоззренческие теории, актуальную культурную, социальную и политическую ситуацию, доминирующие в “общественном мнении” взгляды и исторически сложившиеся архетипы. Очевидно, что взаимная отсылочность денотационных и коннотационных смыслов затрудняет выработку строгих правил для определения таких границ. А это означает, что при других обстоятельствах может быть обнаружен иной денотационный смысл проверяемой

нормы закона и даже того или иного положения Конституции.

Девятая позиция. Денотация как последняя коннотация из всех возможных. Р. Барт справедливо указывает на то, что, “не будучи первичным, денотативный смысл прикидывается таковым; под воздействием подобной иллюзии денотация на проверку оказывается лишь *последней* из возможных коннотаций (той, что не только создает, но и завершает процесс чтения), верховным мифом, позволяющим тексту притворно разыгрывать возвращение к природе языка”⁵⁹. Иначе говоря, денотация перестает быть коннотацией и обретает статус “однозначности” благодаря тому, что в обществе (или в его части) возник консенсус по поводу буквального смысла того или иного текста. Этим, в частности, объясняется авторитет официальных текстов, тем более таких, как тексты конституций. Правда, в любой момент может появиться еще одна (якобы “последняя”) коннотация, которая и будет объявлена “буквальным смыслом” текста. В этой связи любопытно обратиться к рассуждению С.М. Шахрая по поводу того, что “классические представления о сущности современной демократии, федерализма, правового государства серьезно деформируются в соприкосновении с российскими реалиями”⁶⁰. Но что такое современные “классические представления”? Работы каких авторов следует рассматривать как “денотативный смысл”, т.е. первичный и “классический” с точки зрения представлений о “современной демократии”? Может быть, это Ю. Хабермас или М. Фуко, или Ф. фон Хайек, или Н. Луман либо Ж. Делез? Все они считаются классиками, но их взгляды на демократию весьма различны и не могут быть сведены к какому-то денотативному смыслу.

Со своей стороны добавим **десятую позицию – коннотация придает тексту неограниченный творческий потенциал**, в том числе и для последующей законодательной деятельности. Будем надеяться, что он обеспечит длительное и устойчивое существование нынешней Конституции России.

⁵⁸ Барт Р. S/Z. С. 36.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Шахрай С.М. Указ. соч. С. 56.